

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2016.6.06

Правильная ссылка на статью:

Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Самостоятельная занятость на рынке удалённой работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 89—106.

For citation:

Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. Self-employment in the remote work market: diffusion of innovative labor practice. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. № 6. P. 89—106.

Д. О. Стребков, А. В. Шевчук, М. О. Спирина САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ НА РЫНКЕ УДАЛЁННОЙ РАБОТЫ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ТРУДОВОЙ ПРАКТИКИ

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ
НА РЫНКЕ УДАЛЁННОЙ РАБОТЫ: РАС-
ПРОСТРАНЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ
ТРУДОВОЙ ПРАКТИКИ

SELF-EMPLOYMENT IN THE REMOTE
WORK MARKET: DIFFUSION OF INNO-
VATIVE LABOR PRACTICE

СТРЕБКОВ Денис Олегович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-MAIL: strebkov@hse.ru
ORCID: 0000-0002-3234-5746

*Denis O. STREBKOV*¹ — *Cand. Sci.(Soc.), Senior Research Fellow*
E-MAIL: strebkov@hse.ru
ORCID: 0000-0002-3234-5746

ШЕВЧУК Андрей Вячеславович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-MAIL: shevchuk@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6287-4617

*Andrey V. SHEVCHUK*¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Fellow*
E-MAIL: shevchuk@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6287-4617

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

*СПИРИНА Марина Олеговна — студентка магистратуры по социологии Высшей нормальной школы Кашана (ENS Cachan) и университета Париж IV Сорбонна, Париж, Франция.
E-MAIL: mospirina@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5328-8253*

*Marina O. SPIRINA² — Student
E-MAIL: mospirina@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5328-8253*

² École Normale Supérieure de Cachan, Paris-Sorbonne University, Paris, France

Аннотация. В последнее десятилетие не менее 1 млн человек из России и других постсоветских государств получили опыт самостоятельной занятости на русскоязычном рынке удалённой работы, функционирующем в Интернете. Основываясь на уникальных данных мониторингового исследования «Перепись фрилансеров» (2009—2014), авторы показывают, что всё более широкие слои населения осваивают инновационную трудовую практику. Повышается доля женщин, фрилансеров из других стран и нестоличных регионов России, усиливается профессиональное разнообразие. Более зрелые, образованные и профессиональные работники осознанно выбирают карьеру фрилансера. В то же время, преимущественно неформальный характер занятости, влекущий за собой значительные риски и социальную незащищённость, может стать барьером на пути дальнейшего развития электронной самозанятости. Для проведения опроса выбран сайт FL.ru, использована неслучайная выборка, основанная на типичных «местах встречи» респондентов (venue-based sampling).

Ключевые слова: рынок труда, удалённая работа, самозанятость, фрилансеры, неформальная занятость, диффузия инноваций

Abstract. Over the last decade at least one million of Russians and citizens of other post-Soviet countries have been self-employed in the Russian-speaking market of remote work available in the Internet. Based on a unique monitoring data taken from the study «Freelancer census» (2009—2014), the authors show that more and more people try this innovative labor practice. The shares of women and freelance workers from other states and remote Russian regions are increasing; professional variety is strengthening. Those workers who are more mature, educated and skilled choose freelance career self-consciously. At the same time, informal type of employment that involves high risks and social vulnerability can be a barrier to continue online activity. The authors chose FL.RU website and used random venue-based sampling to conduct the survey.

Keywords: labor market, remote work, self-employment, freelancers, informal employment, diffusion of innovations

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ). Грант № 16-03-00418.

Acknowledgment. The paper is supported by Russian Science Foundation (RSF). Grant no. 16-03-00418.

Введение

Инновационные практики представляют собой новые способы действия, получившие распространение в рамках ограниченной группы. Они отличаются от «обычных», типических действий людей, в которые вовлечена значительная часть населения на протяжении жизни как минимум одного поколения, и которые расцениваются как привычные [Радаев, 2003]. Инновационные практики могут быть связаны, например, с освоением технических новинок, новых моделей потребления и способов труда. Особый интерес представляет собой процесс диффузии инноваций — их распространения в обществе.

Французский социолог Г. Тард одним из первых обратил внимание на то, что общество поддерживает свою целостность благодаря процессу подражания, а общественные изменения происходят в ходе распространения и смены ориентиров для подражания [Тард, 2011]. Экономист Й. Шумпетер отводил предпринимателям-инноваторам первостепенную роль [Шумпетер, 1982], а его последователи подчеркивали, что именно диффузия инноваций выводит экономику на новые ступени экономического развития [Перес, 2011]. Американский социолог Э. Роджерс в своей знаменитой книге «Диффузия инноваций» предложил концептуальную схему процесса распространения инноваций в обществе [Rogers, 2003]. Инновационные практики (в том числе трудовые) в постсоветской России изучались, в частности, специалистами Фонда «Общественное мнение» в рамках исследовательского проекта «Люди-XXI» [Абрамов, Зудина, 2009; Оберемко, 2008; Климова, Абрамов, 2010], а также другими отечественными социологами [Радаев, 2003; Стребков, 2007; Стребков, 2008; Фирсова, 2013].

Одной из задач всех этих исследований было выявление социального портрета людей, осваивающих новые товары, услуги, идеи или стили поведения. По мнению Роджерса, группа инноваторов, как правило, составляет не более 2,5 % от всего населения. Многие исследования показывают, что инноваторы — это молодые люди, жители столичных городов, более космополитичные и склонные к повышенной территориальной и социальной мобильности. Инноваторы имеют доход выше среднего, обладают сравнительно высоким социальным статусом, значительным человеческим и социальным капиталом. Вслед за инноваторами в новые практики вовлекаются более широкие слои населения¹. В этом отношении показательна динамика распространения интернета в России. Если в 2004 г., согласно опросам ФОМа, прирост пользователей интернета происходил в основном за счет мужчин и молодых возрастных групп (18—34 лет), а также жителей городов-миллионников, то в 2012 г. — за счет женщин, более старших возраст-

¹ В терминологии Роджерса: ранние последователи, ранее большинство, позднее — большинство, отстающие [Rogers, 2003].

ных групп (35 лет и старше), а также жителей городов численностью 500 тыс. — 1 млн человек [Петухова, 2012]. Согласно другому исследованию, в течение периода с июля 2011 по декабрь 2013 гг. уменьшилось неравенство в доступе к интернету между людьми разных возрастов, людьми с разным уровнем образования, а также между жителями Москвы и других городов [Волченко, 2016].

В настоящей работе мы рассмотрим электронную самозанятость — инновационную трудовую практику, которая получает всё большее распространение в России. В постиндустриальной (информационной) экономике независимые профессионалы (фрилансеры) участвуют в рынках удалённой работы, функционирующих в сети Интернет, самостоятельно выполняя проекты для различных заказчиков [Шевчук, 2008]. Причем оба ключевых элемента новой модели труда — и самостоятельную занятость, и активное использование информационных технологий в работе — можно считать инновационными в российских условиях [Радаев, 2003].

Представленные в статье результаты основываются на уникальных количественных данных, полученных в ходе реализации трех этапов мониторингового исследования «Перепись фрилансеров», проведенных по единой методологии в начале 2009, 2011 и 2014 гг. [Стребков, Шевчук, Спирина, 2015]². Инновационный характер электронной самозанятости способствует тому, что даже за столь короткий временной период могут быть зафиксированы значимые изменения в социально-демографическом и профессиональном составе участников русскоязычного рынка удалённой работы, а также в формальных и неформальных принципах организации рынка. Мы продемонстрируем, что подобно другим инновационным практикам, данный вид занятости поначалу привлекает достаточно узкие, специфические группы населения, а впоследствии, в ходе «диффузии инноваций» в электронную самозанятость вовлекаются всё более широкие слои работников. Изучение новых трудовых практик и новых Интернет-рынков особенно актуально с учётом многочисленных проблем российской экономики, связанных с её сырьевой структурой, недостаточным инновационным и предпринимательским потенциалом, высокой долей теневого сектора.

Электронная самозанятость как инновационная трудовая практика

В современном постиндустриальном (информационном) обществе экономическая активность перемещается в сектор услуг, а труд становится всё больше связанным с производством и обработкой информации. Ключевую роль в становлении «новой экономики» играют цифровые технологии и компьютерные сети. Они снижают транзакционные издержки и позволяют эффективно координировать взаимодействия между рассредоточенными в пространстве агентами [Малоун, 2006]. Опора на собственный человеческий капитал, возможность предоставления результатов труда в цифровом виде, сравнительно дешёвые средства производства (компьютерная техника и программы), развитая сетевая инфраструктура способствовали формированию новой модели «электронной самозанятости». Речь идёт не только о появлении новой категории работников — «электронных

² Проект реализован Лабораторией экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (Т3-156).

фрилансеров» или «Интернет-фрилансеров», но и об «электронной фриланс-экономике» (e-lance economy), функционирующей в глобальных масштабах [Agrawal et al., 2015; Malone, Laubacher, 1998; Aguinis, Lawal, 2013]. Внутри неё обращаются внушительные финансовые потоки и заняты миллионы независимых профессионалов со всего мира. Например, на крупнейшем сайте для независимых профессионалов [Freelancer.com](https://www.freelancer.com) зарегистрировано более 20 млн пользователей из 247 стран. Не только отдельные индивиды и малый бизнес, но также крупные корпорации, государственные учреждения и некоммерческие организации всё чаще обращаются к международным «рынкам талантов» для решения разнообразных задач. Исследования этого нового сегмента информационной экономики только разворачиваются [Gandini, 2016; Caraway, 2010; Leung, 2014].

Ключевым элементом инфраструктуры являются биржи удалённой работы (online freelance marketplaces) — специализированные онлайн-платформы, выполняющие посредническую функцию между фрилансерами и заказчиками, где независимые работники имеют возможность разместить информацию о своих профессиональных навыках, а потенциальные заказчики — спецификации своих проектов. Первая биржа удалённой работы [Elance.com](https://www.elance.com) появилась в 1998 году, что ознаменовало институционализацию электронной самозанятости в качестве инновационной трудовой практики. Наряду с глобальными англоязычными сайтами для фрилансеров (например, [Freelancer.com](https://www.freelancer.com) и [Upwork.com](https://www.upwork.com)), функционируют транснациональные рынки удалённой работы, где коммуникация осуществляется на других языках, что отражает сложный и многоуровневый характер глобализации. Русский язык является важным фактором интеграции рынка, на котором представлены фрилансеры и заказчики с постсоветского пространства.

В русскоязычном интернет-пространстве (Рунете) развитие рынков удалённой работы происходило с некоторым опозданием. На пороге третьего тысячелетия, когда уже успешно функционировали глобальные биржи удалённой работы, только 34 % российского населения имело доступ к Интернету. Первым действительно успешным проектом стал основанный в 2003 году и функционирующий по сей день украинский портал [Weblancer.net](https://www.weblancer.net). Однако, лидером и основным конфигуратором рынка стала биржа удалённой работы [FL.ru](https://www.fl.ru) (ранее [Free-lance.ru](https://www.free-lance.ru)), основанная в 2005 г. По данным сайта, в настоящее время на нём зарегистрировано более 1 млн фрилансеров³, каждый день заказчики размещают около 1,5 тыс. новых проектов. [FL.ru](https://www.fl.ru) сыграла важную роль в институционализации статуса фрилансера в российском обществе: силами биржи организуются конференции фрилансеров, день основания биржи 14 мая ежегодно празднуется в России как день фрилансера, активно привлекаются средства массовой информации для освещения развития фриланс-культуры и образа жизни удалённого работника. В целом русскоязычный рынок удалённой работы охватывает несколько десятков сайтов и имеет олигополистическую структуру с явным доминированием одного крупного игрока — [FL.ru](https://www.fl.ru)⁴.

³ Подобные цифры необходимо интерпретировать с осторожностью, т. к. они скорее отражают общее накопленное число регистраций, чем количество пользователей, активных в данный момент.

⁴ Подробный обзор русскоязычного рынка удалённой работы см.: [Стребков, Шевчук, Спирина, 2015, с. 38—57].

Тенденции распространения Интернета в России и на постсоветском пространстве открывают широкие возможности для поступательного развития электронной самозанятости. Недавно русскоговорящая интернет-аудитория превысила 100 млн человек. По своей численности русскоязычные пользователи занимают 7 место в мире, опережая, в частности, аудитории, говорящие на французском и немецком языках⁵. При этом сохраняется потенциал для экспансии, т. к. уровень проникновения Интернета в России всё ещё недостаточно высок — суточная аудитория составляет 55% взрослого населения, а месячная — 69%⁶. Для большинства государств на постсоветском пространстве (за исключением стран Балтии) эти показатели еще ниже⁷. Согласно нашим расчетам на данных RLMS-HSE за 2014 г., только 43% работников России используют Интернет для работы непосредственно на рабочем месте или дома, и 5% нашли свою нынешнюю работу с помощью Интернета. Таким образом, можно предположить, что в ходе дальнейшей информатизации и интернетизации России и других постсоветских стран значительное число работников проявит интерес к новой форме самозанятости.

«Перепись фрилансеров»: методология опроса

Количественное исследование электронной самозанятости связано с рядом серьёзных методологических трудностей. Интернет-фрилансеров можно отнести к трудно-исследуемым группам (*hard-to-survey populations*) сразу по нескольким критериям [Tourangeau et al., 2014]. Во-первых, их трудно идентифицировать, используя процедуру скрининга в массовых опросах работающих граждан, так как границы данной группы размыты, а сама группа является достаточно гетерогенной, следовательно, требуется использовать большое число скрининговых вопросов. Во-вторых, построение выборки фрилансеров вызывает сложности, так как их доля в общем числе работающих граждан крайне невелика и, естественно, мы не можем составить аккуратный перечень этих людей. В-третьих, с ними сложно выйти на контакт, поскольку русскоязычные фрилансеры географически распределены по большой территории и не образуют ярко выраженных локальных кластеров или сообществ.

Таким образом, при изучении интернет-фрилансеров мы не можем рассчитывать на построение стандартной случайной выборки (*probability sample*). Мы используем выборку, основанную на типичных «местах встречи» респондентов (*venue-based sampling*), которая является частным случаем выборки, локализованной с точки зрения времени и пространства (*time-location sampling*) [Яковлева, 2011]. В социологии труда подобный подход, в частности, применялся при изучении рынка поденщиков (*day laborers*) в США [Theodore, Valenzuela, Meléndez, 2006]. Исследования групп, тесно связанных с Интернетом, целесообразно проводить с помощью онлайн-опросов, рассматривая веб-сайты в качестве «места встречи» целевой аудитории. Однако здесь возникает другая проблема, связанная с тем, что индивид может использовать в своей работе сразу несколько сайтов. Анализ структуры рынка удалённой работы для русскоязычных интернет-фрилансеров

⁵ Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/> (accessed 20.10.2016).

⁶ Интернет в России: динамика проникновения. ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12610> (дата обращения: 06.10.2016).

⁷ Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/> (accessed 20.10.2016).

показал наличие доминирующего игрока, которым является биржа удалённой работы **FL.ru**. Мы предполагаем, что активные фрилансеры при прочих равных условиях предпочитают пользоваться наиболее крупным ресурсом, существующим на данном рынке. Их привлекает большое число потенциальных контрагентов, развитая инфраструктура, большие функциональные возможности. Поэтому для проведения опроса мы выбрали именно сайт **FL.ru**⁸.

В полной мере осознавая все особенности и ограничения онлайн-опросов с неслучайной выборкой респондентов, мы полагаем, что использование данного метода в нашем случае является оправданным и оптимальным решением. Допущения, сделанные в ходе эмпирического этапа исследования, соответствуют его цели, что, в свою очередь, является важнейшим критерием для оценки качества опросных данных⁹.

Было проведено три волны масштабного мониторингового исследования «Перепись русскоязычных фрилансеров» (2009, 2011 и 2014 гг.) с использованием единой методологии сбора и анализа данных¹⁰. Многие вопросы повторялись в неизменном виде во всех трёх волнах, что даёт нам возможность проанализировать динамику ключевых индикаторов на пятилетнем временном интервале. В настоящей работе мы используем подвыборку активных фрилансеров, которая в разных волнах составляет от 7,2 до 10,6 тыс. человек¹¹.

Основные тенденции на русскоязычном рынке удалённой работы (2009—2014 гг.)

Мы выделили несколько важных моментов, характеризующих развитие русскоязычного рынка удалённой работы, которые позволят проанализировать освоение электронной самозанятости в качестве инновационной трудовой практики¹².

Таблица 1. Динамика основных характеристик русскоязычных фрилансеров, %

	2009	2011	2014
Кол-во респондентов	8613	7179	10574
Место жительства			
Россия	76	69	62
Москва*	31	25	22
Санкт-Петербург*	10	10	11
Другие регионы*	59	65	67
Украина	15	21	26
Беларусь	3	3	4

⁸ Другой подход к исследованию интернет-фрилансеров предполагает использование информации о пользователях, которую аккумулируют сами веб-сайты — биржи удалённой работы [Leung, 2014]. К сожалению, эта информация довольно ограничена и зачастую не включает даже базовые социально-демографические характеристики.

⁹ Отчёт рабочей группы AAPOR о неслучайных выборках: июнь 2013 / Американская ассоциация исследователей общественного мнения; пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой. М.: Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2016.

¹⁰ Детальное описание методологии исследования см. в: [Стребков, Шевчук, Спирина, 2015: 72—92].

¹¹ Насколько нам известно, на сегодняшний день, «Перепись фрилансеров» является самым масштабным в мире количественным опросом независимых профессионалов.

¹² Полный анализ результатов [Стребков, Шевчук, Спирина, 2015].

	2009	2011	2014
Другие страны ближнего зарубежья	5	5	6
Страны дальнего зарубежья	1	1	1
Пол			
Мужчины	67	61	58
Женщины	33	39	42
Возраст			
18—22	32	22	13
23—26	29	28	24
27—30	18	21	21
31—40	16	19	26
41 год и более	6	10	16
<i>Среднее (лет)</i>	26,6	28,5	31,5
Семейные характеристики			
Состоят в зарегистрированном браке	32	38	44
Имеют несовершеннолетних детей	32	36	38
в т. ч. более одного ребёнка в семье	7	10	12
Образование			
Среднее, среднее специальное и ниже	20	18	15
Неполное высшее (не менее 2 лет)	26	21	14
Высшее	46	51	51
Второе высшее, степень MBA, учёная степень	8	11	19
Стаж работы фрилансером			
Менее 3 лет	66	65	47
3—5 лет	22	22	33
6 лет и больше	12	13	20
<i>Среднее (лет)</i>	2,5	2,6	3,7
Профессиональная специализация			
Разработка и поддержка веб-сайтов	34	29	25
Программирование	18	20	17
Дизайн / Графика	44	38	36
Инжиниринг	2	5	7
Фото	9	9	9
Аудио / Видео	4	5	7
Тексты / Копирайт/ Переводы	21	33	33
Реклама / Маркетинг / Консалтинг	11	12	14
Статус занятости			
Работают только в качестве фрилансера	22	29	34
Совмещают с развитием бизнеса	9	8	10
Совмещают с работой в штате организации	45	41	40
Совмещают с учёбой в ВУЗе	18	14	8
Совмещают с уходом за детьми до 3 лет	5	7	7
Контрактные формы			
Заключают письменный договор с заказчиками	12	12	12

* В процентах от числа российских фрилансеров.

1. Территориальная децентрализация

Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют самостоятельным работникам выходить за рамки локальных рынков и предоставлять услуги через Интернет поверх территориальных и национальных границ. Русскоязычный рынок удалённой работы объединяет людей, владеющих русским языком, где бы они ни находились, — в ближнем или дальнем зарубежье. В каждой из волн нашего исследования принимали участие фрилансеры более чем из 30 государств (в основном, республик бывшего СССР), хотя большинство респондентов проживали на территории Российской Федерации. Однако на протяжении пятилетнего периода доля жителей России в общей выборке постепенно уменьшалась (с 76 % в 2009 году до 62 % в 2014 году). А фрилансеры из других стран, наоборот, усилили свое присутствие на русскоязычном рынке удалённой работы. Особо это касается фрилансеров из Украины, чья доля увеличилась с 15 % в 2009 году до 26 % в 2014 году. Отметим также, что около 1 % опрошенных проживают в странах дальнего зарубежья, включая Северную Америку (США, Канада), Европу (Германия, Италия, Израиль, Греция, Чехия и т. д.), а также таких экзотических местах, как Индия, Таиланд и Филиппины.

Аналогичным образом, процесс децентрализации затронул и фрилансеров, проживающих на территории Российской Федерации. Доля жителей Москвы в общем числе российских фрилансеров сократилась с 31 % в 2009 г. до 22 % в 2014 г. Соответственно, заметно увеличилась доля работников, проживающих за пределами столичного региона. При этом жители ряда российских регионов до сих пор практически не участвуют в рынке удаленной работы. Учитывая все три опроса в совокупности, в выборку попало менее 10 респондентов из Республики Тыва (0), Республики Ингушетия (1), Чукотского автономного округа (1), Карачаево-Черкесской Республики (3), Еврейской автономной области (4), Магаданской области (4), Чеченской Республики (4), Республики Калмыкия (6), Республики Горный Алтай (7). В целом сильные диспропорции между «центром» и «периферией» постепенно сглаживаются. Для людей из российских регионов и стран ближнего зарубежья электронная самозанятость даёт возможность включиться в информационную экономику. В дальнейшем этот процесс «виртуальной миграции» будет, по-видимому, нарастать.

2. Выравнивание гендерного состава

Среди русскоязычных интернет-фрилансеров преобладают мужчины, однако доля женщин уверенно растёт. Если в 2009 году мужчин было в два раза больше, чем женщин (67 % против 33 %), то пять лет спустя диспропорция существенно сократилась (58 % против 42 %). Таким образом, вслед за мужчинами-первопроходцами новая форма занятости активно осваивается женщинами. Стоит отметить, что гендерные сравнения на рынках удалённой работы являются довольно сложными, в связи с их высокой чувствительностью к различиям в профессиональном составе фрилансеров. В перспективе мы склонны полагать, что доля женщин на рынке удалённой работы продолжит расти подобно тому, как это происходило в случае с распространением Интернета в России [Петухова, 2012].

3. Вовлечение старших поколений

На русскоязычном рынке удалённой работы, в основном, трудятся молодые люди. Согласно данным 2014 года, 58 % опрошенных — это работники не старше

30 лет, причем около трети всех фрилансеров (36 %) находятся в возрасте от 18 до 26 лет. По нашему мнению, это объясняется одновременным воздействием двух факторов. Во-первых, известно, что в странах с переходной экономикой (и особенно в России) самозанятые рекрутируются из более молодых поколений, которые не имеют опыта социализации в советский период, когда отвергались практически любые формы предпринимательской активности [Gerber, 2004; Estrin, Mickiewicz, 2011]. Во-вторых, более молодые люди, как правило, лучше владеют компьютерными технологиями и чаще имеют доступ к Интернету.

Тем не менее, средний возраст интернет-фрилансеров имеет явную тенденцию к повышению: в 2009 году он составлял 26,6 лет, а к 2014 достиг 31,5 года. При этом доля фрилансеров старше 30 лет выросла с 22 % в 2009 году до 42 % в 2014 году, а доля фрилансеров старше 40 лет — с 6 % до 16 %. Соответственно, сокращается относительный размер группы младше 23 лет: с 32 % в 2009 году до 13 % в 2014 году. Увеличение среднего возраста интернет-фрилансеров обусловлено не только естественным процессом «старения» фрилансеров-первопроходцев, продолжающих трудиться на рынке. Мы обнаруживаем, что растёт доля людей старшего возраста среди новичков, совсем недавно пришедших на рынок удалённой работы. Так, например, среди фрилансеров со стажем менее двух лет, доля тех, кому больше 40 лет, увеличилась с 4 % до 13 %.

В целом есть все основания утверждать, что вслед за молодым поколением электронную самозанятость осваивают более возрастные и зрелые люди. Об этом свидетельствует и ряд дополнительных показателей. Так, в течение всего периода проведения исследования наблюдается значительный рост доли фрилансеров, состоящих в официальном браке (с 32 % в 2009 году до 44 % в 2014 году). Увеличивается число фрилансеров, имеющих несовершеннолетних детей (с 32 % до 38 %), а также доля семей с несколькими детьми (с 7 % до 12 %).

4. Приход более профессиональных работников

В последнее время на рынок удалённой работы приходят не только более зрелые люди, но и в целом более профессиональные работники. Во-первых, растёт уровень образования: доля интернет-фрилансеров без высшего образования снизилась с 46 % в 2009 году до 30 % в 2014 году. Одновременно значительно возросла (с 8 % до 19 %) доля фрилансеров с двумя и более высшими образованиями или учёной степенью.

Во-вторых, увеличился средний стаж работы в качестве фрилансера: с 2,5 лет в 2009 году до 3,7 лет в 2014 году. Продолжительность работы в качестве фрилансера отражает как накопление общепрофессионального опыта, так и опыта самостоятельной занятости. Если в 2009 и 2011 годах две трети всех фрилансеров можно было отнести к разряду начинающих (со стажем менее 3 лет), то в 2014 году доля таких новичков значительно уменьшилась (до 47 %). В то же время, значительно возросла доля более опытных работников со стажем от 3 до 5 лет (с 22 % до 33 %) и более 5 лет (с 12 % до 20 %).

В-третьих, повышается общая профессиональная самооценка, которая, по-видимому, отражает не только профессиональные навыки, приобретенные за время учебы и работы, но также талант, уверенность в себе и др. Мы полагаем, что, несмотря на значительный субъективный компонент, профессиональная само-

оценка является максимально комплексным показателем, который хорошо подходит для операционализации понятия «человеческий капитал» применительно к самозанятым профессионалам [Стребков, Шевчук, 2015]. В 2011 и 2014 годах в рамках «Переписи фрилансеров» респондентам предлагалось поместить себя на «лестницу профессионального мастерства», состоящую из 9 ступеней, где первая ступенька — это уровень «начинающего, ученика», а девятая — это уровень «профессионала высокого класса». За три года среднее значение самооценки повысилось с 5,72 до 6,02 баллов, а доля тех, кто оценил своё профессиональное мастерство достаточно высоко (на 7, 8 или 9 баллов), увеличилась с 40 % до 47 %.

5. Профессиональная диверсификация

Набор профессиональных услуг, которые фрилансеры могут предложить через биржи удалённой работы, во многом ограничен переводом результатов работы в цифровую форму с последующей передачей с помощью Интернет. Неудивительно, что первопроходцами на рынках удалённой работы были программисты, создатели веб-сайтов и другие специалисты в области информационных технологий. Однако налицо тенденция к профессиональной диверсификации. В период с 2009 по 2014 год на русскоязычном рынке удалённой работы заметно снизилась доля людей, занимающихся разработкой и поддержкой веб-сайтов (с 34 % до 25 %), а также графикой и дизайном (с 44 % до 36 %), и, одновременно, выросло число людей, вовлеченных в сферы инженерно-проектных услуг (с 2 % до 7 %); аудио- и видео (с 4 % до 7 %); маркетинговых услуг (с 11 % до 14 %). При этом доля людей, специализирующихся на работе с текстами, после значительного роста в 2011 году (с 21 % до 33 %) в 2014 году осталась неизменной. Таким образом, на рынок удалённой работы приходят представители более широкого круга профессий.

6. Осознанный карьерный выбор

Самостоятельная занятость может занимать различное место в «портфеле работ» человека, по-разному сочетаясь с другими видами оплачиваемой и неоплачиваемой занятости [Хэнди, 2001]. Изменение структуры занятости на рынке удалённой работы характеризует процесс освоения инновационной трудовой практики. Наиболее распространенной, по-прежнему, остается стратегия частичной вовлеченности, предполагающая совмещение самозанятости с работой в штате организации, что позволяет снизить финансовые и социальные риски, связанные с новой моделью труда. Однако доля фрилансеров-совместителей за пять лет снизилась с 45 % до 40 %. Существенно уменьшилась (с 18 % до 8 %) и доля студентов, для которых рынок удалённой работы предоставляет возможность впервые попробовать себя в профессиональной деятельности. Другой вариант освоения электронной самозанятости в сильной мере обусловлен жизненными обстоятельствами и связан с подработкой в период ухода за маленьким ребенком (7 %).

Главный интерес представляет группа «чистых фрилансеров», для которых самозанятость является основным занятием и единственным источником дохода. На русскоязычном рынке удалённой работы её доля последовательно увеличивалась с 22 % в 2009 году до 34 % в 2014 году. Еще 10 % респондентов являются начинающими предпринимателями, выступая не только в роли профессионалов, но и в роли организаторов бизнеса с привлечением наемного персонала. Это

может быть как небольшая фирма (например, студия веб-дизайна или рекламное агентство), так и неформальный коллектив фрилансеров. Особого внимания заслуживают большие предпринимательские амбиции интернет-фрилансеров: каждый второй из них в течение ближайших пяти лет планирует открыть и развивать своё дело с привлечением наёмного персонала.

Таким образом, наиболее решительные работники понемногу осваивали электронную самозанятость, экспериментировали с различными стратегиями, рассматривая ее, как правило, в качестве второй работы, временной подработки или возможности дебюта на рынке труда. Позднее, всё больше работников стали совершать осознанный карьерный выбор в пользу самозанятости, более того, использовать фриланс как ступеньку на пути к созданию собственного бизнеса.

7. Риски неформальной занятости

Пожалуй, единственной характеристикой русскоязычного рынка удалённой работы, не изменившейся на протяжении всего пятилетнего периода, является уровень неформальной занятости. С удивительным постоянством только 12 % всех фрилансеров в каждой из трёх волн исследования сообщали, что они обычно заключают официальный письменный договор с заказчиками. По данным за 2014 год, чуть менее половины опрошенных (44 %) официального договора не составляют, а все основные вопросы (техническое задание, требования, уровень оплаты) фиксируют в ходе переписки, а четверть фрилансеров (26 %) вообще полагаются исключительно на устные договоренности. Гибкие рыночные отношения и небольшие масштабы индивидуальной экономической деятельности создают благоприятные условия для неформальной занятости фрилансеров не только в России, но и в западных странах с развитой экономикой [Rodgers, Horowitz, Wuolo, 2014]. Дополнительными факторами, способствующими развитию неформальной занятости на рынках удалённой работы, являются ограниченные возможности верификации контрагента, слабость государственного контроля в интернет-пространстве, а также трансграничный характер многих сделок, повышающий издержки формализации и легализации.

Хорошо известно, что неформальность на рынке труда влечёт за собой повышенную опасность нарушений трудовых прав работников [Theodore, Valenzuela, Meléndez, 2006], включая фрилансеров [Rodgers, Horowitz, Wuolo, 2014; Caraway, 2010; Osnowitz, 2010]. В 2014 году около 88 % русскоязычных интернет-фрилансеров заявили о том, что в течение прошедшего года сталкивались с нарушениями первоначальных договоренностей со стороны заказчиков. Чаще всего, происходит задержка оплаты (76%), изменения первоначальных задач и сокращение сроков (70%). Очень часто встречаются и более серьезные проблемы, связанные с полной или частичной невыплатой гонорара (29% и 40%, соответственно). С другой стороны, заказчики также сообщают о высоком уровне нарушения договоренностей со стороны фрилансеров [Стребков, Шевчук, 2012].

Проблемы соблюдения контрактных обязательств и повышения доверия на рынке пытаются решить биржи удалённой работы. Положительным моментом является то, что в 2014 году около 15% респондентов заявили, что фиксируют договоренности с помощью специальных сервисов, предлагаемых биржами удалённой работы (например, «безопасная сделка» от FL.ru), которых на момент первого

опроса в Рунете практически не существовало. Постепенно набирает популярность арбитраж — посредничество биржи в разрешении споров. В 2009 году лишь 2 % фрилансеров, столкнувшихся с нарушением договоренностей, смогли разрешить конфликты с заказчиками при помощи бирж удалённой работы, в 2011—4 %, а в 2014 году — уже 7 %. Среди других механизмов, призванных регулировать отношения на рынках удалённой работы, можно назвать верификацию пользователей, сертификацию исполнителей, системы отзывов, рейтингов и др. В результате среди интернет-фрилансеров наметилась положительная динамика в оценке рисков оппортунизма: если в 2009 году каждый второй фрилансер указывал на высокую вероятность обмана со стороны заказчиков, то в 2011 году — 44 %, а в 2014 году — лишь 34 %.

Неформальная занятость несёт с собой и другие проблемы для работников, связанные с доступом к механизмам социальной защиты со стороны государства (больничные, отпуска, пенсии и др.), отсутствием дополнительных социальных благ, которые предоставляется фирмами («социальный пакет»), трудности в получении банковских кредитов и т. п. Практически каждый третий интернет-фрилансер на протяжении исследуемого периода называл среди недостатков самостоятельной занятости отсутствие социальных гарантий, а 20—23 % жаловались на отсутствие легальных, документально подтвержденных доходов.

В целом есть все основания утверждать, что риски, связанные с неформальной занятостью, отпугивают потенциальных участников рынка удалённой работы, препятствуя более широкому распространению новой трудовой практики.

Заключение

Самостоятельная занятость на рынках удалённой работы, функционирующих в сети Интернет, представляет собой инновационную трудовую практику, которая стремительно распространяется в России и странах ближнего зарубежья. Принимая во внимание численность зарегистрированных пользователей крупнейшей биржи FL.ru, можно утверждать, что в последнее десятилетие не менее 1 млн человек получили опыт самостоятельной занятости на русскоязычном рынке удалённой работы. При этом социально-экономический портрет русскоязычного интернет-фрилансера изменяется. Мы наблюдаем процесс диффузии инновационной трудовой практики на постсоветском пространстве, в ходе которой электронная самозанятость осваивается всё более широкими слоями работников.

Среди первопроходцев на русскоязычном рынке удалённой работы преобладали жители России (прежде всего, Москвы), мужчины, люди молодого возраста (в том числе, много студентов), специалисты в сфере информационных технологий и дизайнеры, для которых фриланс, чаще всего, выступал в роли второй работы. Впоследствии, на рынок стало приходить больше работников из других государств (прежде всего, из Украины) и нестоличных регионов России, женщин, людей старших возрастов (в том числе, обременённых семейными обязанностями), более образованных кадров более широкого профессионального спектра. Люди всё чаще стали выбирать самозанятость в качестве основной работы, а также ступеньки на пути к созданию собственного бизнеса.

К сожалению, в нашем распоряжении нет достоверных данных о социально-демографических и профессиональных характеристиках интернет-фрилансеров на глобальных биржах удалённой работы. В единственной публикации (неакадемического характера) приводятся результаты двух волн онлайн-опроса, проведенных в 2007 и 2010 годах на бирже удалённой работы Freelanceswitch.com [Hackwith, 2011]. Показательно, что они демонстрируют схожие тенденции, позволяющие говорить о диффузии инновационной трудовой практики. За трехлетний период увеличилось представительство женщин, людей с высшим образованием и чистых фрилансеров (за счёт сокращения количества фрилансеров-совместителей). Уменьшилась доля фрилансеров из городов-миллионников (соответственно, увеличилось количество фрилансеров из более мелких населенных пунктов, включая сельскую местность), а также представительство дизайнеров и специалистов в сфере информационных технологий. Это исследование также показало, что интернет-фрилансеры ещё достаточно молоды (средний возраст около 30 лет), что, скорее всего, связано с тем, что они более продвинуты в информационных технологиях, нежели старшие поколения.

С другой стороны, данные, содержащиеся в ряде исследований самозанятых профессионалов, выполненных в странах с развитой рыночной экономикой (таких как Австрия [Bögenhold, Klinglmair, 2016], Нидерланды [Born Van den, Witteloostuijn Van, 2013], США [Rodgers, Horowitz, Wuolo, 2014; Osnowitz, 2010], Финляндия [Bögenhold, Heinonen, Akola, 2014]) позволяют охарактеризовать социально-экономический портрет фрилансеров, не обязательно вовлечённых в рынки удалённой работы. В этих странах среди фрилансеров зачастую преобладают женщины, они значительно старше (средний возраст около 45 лет), имеют большой стаж самозанятости (около 10 лет), гораздо реже совмещают её с работой в штате организации и гораздо реже вовлечены в неформальную занятость. Учитывая зарубежный опыт, можно предположить, что процесс освоения самостоятельных трудовых практик в России и других переходных экономиках не завершён. Неполнота и неравномерность проникновения Интернета на постсоветском пространстве, увеличение информации о возможностях удалённой работы, повышение узнаваемости фрилансера в обществе также подкрепляют мнение, что выявленные нами тенденции продолжат действовать в дальнейшем.

Вместе с тем, самостоятельная занятость на рынках удалённой работы практически полностью погружена в теневую экономику, что несёт в себе значительные риски и социальные издержки для её участников. Хотя многие инновационные практики появляются в качестве неформальных, их более широкое распространение зависит от успешной институционализации. В настоящий момент, ведущую роль в этом процессе играют биржи удалённой работы, которые прилагают значительные усилия по организации рынка и формированию «правил игры». Однако без продуманных и обоснованных усилий государства в сфере совершенствования законодательства и социальной политики электронная самозанятость вряд ли сможет стать обычной трудовой практикой, доступной для широкого круга работников.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6. С. 134—142. [Abramov R. N., Zudina A. A. (2009) Social innovators: leisure practices and cultural consumption. *Monitoring of Public Opinion*. No. 6. P. 134—142]. (In Rus.).

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163—182. [Volchenko O. V. (2016) Dynamics of digital inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 163—182]. (In Rus.).

Климова С. Г., Абрамов Р. Н. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия // Мир России. 2010. Т. XIX. № 2. С. 98—117. [Klimova S. G., Abramov R. N. (2010) Sovremennyi работник: kontseptualizatsiya i empiricheskaya proverka ponyatiya [Modern Worker: Conceptualization and Empirical Test]. *Mir Rossii Russia's World*. Vol. XIX. No 2. P. 98—117]. (In Rus.).

Малоун Т. У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. М.: Олимп-Бизнес, 2006. [Malone T. W. (2006) *The Future of Work: How the New Order of Business Will Shape Your Organization, Your Management Style, and Your Life*. Moscow: Olimp-Biznes] (In Russ.).

Оберемко О. А. Кого мы называем «Люди-XXI»? // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 42—65. [Oberemko O. A. (2008) Kogo my nazyvaem «Lyudi-XXI»? [Who we called «People XXI»?]. *Sotsial'naya real'nost' [Social reality]*. No. 3. P. 42—65]. (In Russ.).

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / под ред. С. Глазьева, В. Дементьева. М.: Дело, 2011 [Perez C. (2011) *Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Moscow: Delo] (In Russ.).

Петухова С. Аудитория интернета: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <http://www.momri.org/library/files/8.pdf> ; <http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/10714> (дата обращения: 06.10.2016). [Petukhova S. Internet audience: yesterday, today and tomorrow. *POF*. URL: <http://www.momri.org/library/files/8.pdf> ; <http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/10714> (accessed: 06.10.2016)] (In Russ.).

Радаев В. В. Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса // Мир России. 2003. Т. 12. № 4. С. 89—119. [Radaev V. V. (2003) Obychnye i innovatsionnye praktiki v deyatel'nosti rossiiskogo srednego klassa [Traditional and Innovative Practices of the Russian Middle Class]. *Mir Rossii [Russia's World]*. Vol. 12. No. 4. P. 89—119] (In Russ.).

Стребков Д. О. Социальные аспекты кредитного поведения населения // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 83—102. [Strebkov D. O. (2007) Sotsial'nye aspekty kreditnogo povedeniya naseleniya [Social Aspects of Credit Behaviour of population]. *Sotsiologicheskii Zhurnal [Sociological Journal]* No. 1. P. 83—102] (In Russ.).

Стребков Д. О. Новички и профессионалы на российском фондовом рынке // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 84—99. [Strebkov D. O. (2008) Novichki i professionaly na rossiiskom fondovom rynke [Beginners and Professionals at the Russian stock market]. *Sotsiologicheskii Zhurnal [Sociological Journal]* No. 4. P. 84—99] (In Russ.).

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Влияние человеческого капитала на доходы и удовлетворенность самозанятых профессионалов (фрилансеров) // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн / отв. ред. Е. Ясин. М. : НИУ ВШЭ, 2015. С. 106—117 [Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2015) Vlijanie chelovecheskogo kapitala na dohody i udovletvorennost' samozanjatykh professionalov (frilanserov) [Influence of human capital on income and satisfaction of self-employed professionals (freelancers)]. *15th April International Scientific Conference on Economic and Social Development (Ed. by E. Yasin)*. Moscow, HSE. P. 106—117] (In Russ.).

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Оппортунизм и доверие на рынках удаленной работы // Рынки удаленной работы: социальные сети и институты. Сер. «Аналитика ЛЭСИ» / отв. ред. серии В. В. Радаев. Вып.10. М. : НИУ ВШЭ, 2012. С. 76—93. [Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2012) Opportunizm i doverie na rynkah udalenoj raboty [Opportunism and trust in the Russian-speaking e-lance market]. In: *Radaev V. V., ed. Rynki udalenoj raboty: social'nye seti i instituty. Ser. «Analitika LESI» [Remote work markets: social networks and institutions. Ser. «LSES analytics»]*. Issue 10. Moscow, HSE. P. 76—93] (In Russ.).

Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009—2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). М. : НИУ ВШЭ, 2015. [Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. (2015) Razvitie russkojazychnogo rynka udalenoj raboty, 2009—2014 gg. [Development of Russian-speaking remote work market, 2009—2014] (based on Data of the Russian freelancers' census)]. Moscow, HSE] (In Russ.).

Тард Г. Законы подражания. М. : Академический проект, 2011. [Tarde G. (2011) *Laws of imitation*. Moscow, Akademicheskij proekt] (In Russ.).

Фирсова Н. Ю. Предикторы инновационных потребительских практик: освоение интернет-шопинга в российских домохозяйствах // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 4. С. 27—57 [Firsova N. Yu. (2013) Prediktory innovatsionnykh potrebitel'skikh praktik: osvoenie internet-shoppinga v rossijskikh domokhozyaystvakh [Predictors of innovative consumer practices: SPb.: Piterdevelopment of online shopping in Russian households]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*. Vol. 14. No. 4. P. 27—57] (In Russ.).

Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб. : Питер, 2001. [Handy C. (2001) *The Age of Unreason*. St Petersburg: Piter] (In Russ.).

Шевчук А. В. Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 51—64. [Shevchuk A. V.

(2008) Self-employment in the information economy: basic concepts and types. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*. Vol. 9. No. 1. P. 51—64]. (In Russ.).

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. [Schumpeter J. (1982) *Theory of economic development*. Moscow: Progress] (In Russ.).

Яковлева А. А. Исследования в труднодоступных группах: опыт использования выборки, управляемой респондентом, и выборки «место—время» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 33. С. 57—79. [Yakovleva A. A. (2011) *Issledovaniya v trudnodostupnykh gruppakh: opyt ispol'zovaniya vyborki, upravlyаемой respondentom, i vyborki «mesto–vremya»* [Studying the hard-to-reach groups: experience with respondent-driven and time-location sampling]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]*. No. 33. P. 57—79]. (In Russ.).

Agrawal A. et al. (2015) Digitization and the Contract Labor Market: A Research Agenda. *Economic Analysis of the Digital Economy National Bureau of Economic Research Conference Report*. Chicago: University Of Chicago Press. P. 219—256.

Aguinis H., Lawal S. O. (2013) eLancing: A review and research agenda for bridging the science–practice gap. *Human Resource Management Review*. Vol. 23. No. 1. P. 6—17.

Bögenhold D., Heinonen J., Akola E. (2014) Entrepreneurship and Independent Professionals: Social and Economic Logics. *International Advances in Economic Research*. Vol. 20. № 3. P. 295—310.

Bögenhold D., Klinglmaier A. (2016) Independent work, modern organizations and entrepreneurial labor: Diversity and hybridity of freelancers and self-employment. *Journal of Management & Organization*. P. 1—16.

Born A. Van den, Witteloostuijn A. Van. (2013) Drivers of freelance career success. *Journal of Organizational Behavior*. 2013. Vol. 34. № 1. P. 24—46.

Caraway B. (2010) Online labour markets: an inquiry into oDesk providers. *Work Organisation, Labour and Globalisation*. Vol. 4. No. 2. P. 111—125.

Estrin S., Mickiewicz T. (2011) Entrepreneurship in transition economies: the role of institutions and generational change. *The dynamics of entrepreneurship: evidence from the global entrepreneurship monitor data*. Oxford: Oxford University Press. P. 181—208.

Gandini A. (2016) *The Reputation Economy. Understanding Knowledge Work in Digital Society*. London: Palgrave Macmillan UK.

Gerber T. (2004) Three forms of emergent self-employment in Post-Soviet Russia: Entry and exit patterns by gender. *The Reemergence of Self-Employment. A Comparative Study of Self-Employment Dynamics and Social Inequality*. Ed. by R. Arum, W. Müller. Princeton: Princeton University Press. P. 277—309.

Hackwith A. (2011) *Freelance Confidential*: Rockable Press.

Leung M. D. (2014) Dilettante or Renaissance Person? How the Order of Job Experiences Affects Hiring in an External Labor Market. *American Sociological Review*. Vol. 79. No. 1. P. 136—158.

Malone T. W., Laubacher R. J. (1998) The Dawn of the E-Lance Economy. *Harvard Business Review*. Vol. 76. No. 5. P. 144—152.

Osnowitz D. (2010) Freelancing Expertise: Contract Professionals in the New Economy. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Rodgers W. M., Horowitz S., Wuolo G. (2014) The Impact of Client Nonpayment on the Income of Contingent Workers: Evidence from the Freelancers Union Independent Worker Survey. *Industrial & Labor Relations Review*. Vol. 67. No. 3 suppl. P. 702—733.

Rogers E. M. (2003) Diffusion of Innovations, 5th Edition. N.Y.: Free Press.

Theodore N., Valenzuela A., Meléndez E. (2006) La Esquina (the Corner): Day Laborers on the Margins of New York's Formal Economy. *WorkingUSA*. Vol. 9. No. 4. P. 407—423.

Tourangeau R. et al. (2014) Hard-to-Survey Populations. Cambridge: Cambridge University Press.